

БРИТАНСКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Ю. В. Маханько

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, yvmakhanko@gmail.com*

Развитие англоязычной историографии второй половины XX в. обусловило утверждение современного определения Британской промышленной революции как серии технологических инноваций. Рассматриваются ключевые труды начала XXI в., которые внесли наибольший вклад в исследование причин революции. Исходя из этого, формулируется актуальный взгляд на данный процесс.

Ключевые слова: Промышленная революция; история Великобритании; англоязычная историография; экономическая история.

BRITISH INDUSTRIAL REVOLUTION IN THE ENGLISH- SPEAKING HISTORIOGRAPHY OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Y. V. Makhanko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus, yvmakhanko@gmail.com*

The development of the English-speaking historiography in the second half of the XX century conditioned the approval of the current definition of the British industrial revolution. The key studies of the beginning of the XXI century, which made the greatest contribution to the examination of the causes of the revolution, are considered. Based on this, an actual view on this process is formulated.

Key words: Industrial revolution; British history; English-speaking historiography; economic history.

Британская промышленная революция является важнейшей темой для англоязычной экономической истории с момента ее оформления как дисциплины в конце XIX в. до наших дней. За это время несколько поколений ученых не раз пересматривали научные представления о данном процессе, используя новые источники, методологию и теоретические подходы к исследованию. Англоязычная экономическая история в начале XXI в. совершила новый качественный скачок, который позволил внести ясность в научные представления о многих важных аспектах Британской промышленной революции. Таким образом, на основании достижений наиболее авторитетных современных исследователей можно сформулировать актуальный взгляд на причины и характер революции.

В третьей четверти XX в. доминировало представление о Промышленной революции как о начале современного экономического

роста. Рональд Макс Хартуэлл (1921–2009), профессор Оксфордского университета, в книге «Промышленная революция и экономический рост» (1971) сформулировал это следующим образом: «Промышленная революция должна пониматься как, в первую очередь, экономический рост, как первый пример самоподдерживающегося роста» [1, р. 57]. Однако на рубеже 1970-х и 1980-х годов английские представители школы новой экономической истории Николас Крафтс (род. в 1949) и Ник Харли (род. в 1943) начали пересматривать макроэкономические показатели британской экономики эпохи революции. Их «данные не поддерживают идею общего заметного ускорения роста промышленного производства, начавшегося в 1780-е гг.» [2, р. 186]. Вместе с тем, революция в социально-экономическом устройстве данной страны в период XVIII – начала XIX в. была очевидна для большинства исследователей. По замечанию Роберта Аллена (род. в 1947), получившего степень доктора в Гарвардском университете и работавшего профессором в Оксфордском, именно технологический прогресс является сутью революции, а «другие характерные черты промышленной революции (стремительная урбанизация, накопление капитала, рост сельскохозяйственной производительности, рост доходов) были уже последствиями этих технологических усовершенствований» [3, с. 11–12]. Схожего мнения придерживается большая часть современных англоязычных исследователей Британской промышленной революции. Отсюда проистекает и главная задача современных исследований данного процесса – поиск причин, по которым серия технологических инноваций, кардинально изменивших экономическое устройство мира, началась именно в Великобритании XVIII в.

В историографии начала XXI в. сформировалось два подхода к исследованию причин революции. Первый предполагает исследование спроса на технологии, то есть причин, по которым британская экономика не могла продолжить свое развитие без перехода на новый технологический уровень. Приверженцы данного подхода в неомальтузианском ключе концентрируются на факторе энергетического баланса.

Возможность мальтузианского кризиса в британской экономике демонстрирует сэр Эдвард Ригли (род. в 1931), профессор Кембриджского университета, в работе «Энергия и Английская промышленная революция» (2010). Переосмысливая идеи английского экономиста Томаса Мальтуса (1766–1834), он подтверждает при помощи статистических

данных наличие «ограничений органической экономики», то есть основанной на энергии животного и растительного происхождения [4, р. 239]. В отличие от своих предшественников, таких как Карло Чиполла [5, р. 12], Э. Ригли располагал значительно более детальными статистическими данными. Так, по расчетам второго, доля каменного угля в потребляемой Англией, Шотландией и Уэльсом энергии с 1560-х до середины XIX в. выросла с 10,6 до 92 %, подушное потребление энергии, соответственно, с 20,5 до 96,5 гигаджоулей, а наиболее активная стадия этого роста началась именно после 1700 г. [4, р. 37]. Автор приводит свидетельства роста применения угля не только при выплавке железа и использовании парового двигателя, но и в целом ряде других процессов. Таким образом доказывается, что во время революции произошел переход к «минеральной экономике», то есть основанной на энергии природных ископаемых [4, р. 24]. Именно это обуславливает уникальность Британской промышленной революции, а также её невозможность без энергии каменного угля.

Параллельно с ростом применения альтернативного источника энергии внедрялись новые технологии, которые позволяли более эффективно использовать его в производстве. Одним из наиболее значимых исследователей причин Британской промышленной революции является Роберт Аллен. Используя инновационную методику расчета реальной заработной платы [3, с. 60], он делает следующий вывод: «в Великобритании XVIII века сложилась уникальная структура зарплат и цен: зарплаты были крайне высокими, а энергия крайне дешевой» [3, с. 12]. Автор уточняет, что «по сегодняшним меркам британские рабочие, безусловно, были бедны; однако ... по сравнению со своими коллегами из других европейских стран и Азии в XVIII веке британские рабочие жили достаточно безбедно» [3, с. 45]. При этом «энергия ... была самой дешевой в мире», чего «не было в других европейских странах с высокими зарплатами, таких как Нидерланды» [3, с. 123]. Таким образом, Р. Аллен отображает существовавший «спрос на технологии, поскольку (цены) стали для английских предпринимателей мощнейшими стимулами к изобретению технологий, которые замещали бы труд капиталом и энергией» [3, с. 200]. Важнейшей технологической инновацией в данной концепции является паровой двигатель, который в долгосрочной перспективе позволил провести полномасштабную механизацию труда в значимом числе отраслей. При этом «в основе двигателя Ньюкомена лежала наука XVII века» [4, с. 234], а именно «открытие того, что у

атмосферы есть вес, а также что, сконденсировав пар, можно получить вакуум», сделанное учеными-экспериментаторами: «Галилеем, Торричелли, Отто фон Герике, Робертом Бойлем, Робертом Гуком, Христианом Гюйгенсом и Дени Папеном» [3, с. 19].

Второй подход к исследованию причин революции концентрируется на предложении технологий, то есть на тех культурных и институциональных особенностях общества, которые позволили британцам изобрести и внедрить в производство беспрецедентное число технологий. Ведущим представителем данного подхода является профессор Северо-Западного университета (США), а позже Тель-Авивского университета (Израиль) Джоэль Мокир, родившийся в 1964 г. Он окончательно оформил свою концепцию в книге «Просвещенная экономика. Великобритания и промышленная революция, 1700–1850 гг.» (2009). В отличие от вышеупомянутых коллег, Дж. Мокир считает, что «энергия пара не была абсолютно необходима для Промышленной революции», и её можно было заменить энергией рек [16, р. 112]. Наоборот, «Британия стала лидером Промышленной революции потому, что больше чем любая другая страна Европы была способна воспользоваться преимуществами своего фонда человеческих и материальных ресурсов благодаря великой синергии Просвещения: сочетания бэконинанской программы в полезном знании и осознания, что лучшие институты обеспечивают лучшие стимулы» [6, р. 132]. Дж. Мокир связывает технологический прогресс Великобритании данной эпохи с идеями Научной революции XVI–XVII вв. и британского Просвещения. В первую очередь, с так называемой «бэконинанской программой великого восстановления наук», заимствованной из работ философа Френсиса Бэкона (1561–1626). Среди прочего, эта программа ставила задачу «заставить экономику производить больше благ и, таким образом, увеличить то, что современные экономисты назовут благосостоянием» [6, р. 40]. В связи с этим Дж. Мокир упоминает «идею *полезного знания*, которая дала людям власть над *природой*, а не только над *другими людьми*» [6, р. 44–45]. Более того, он утверждает, что данные идеи «перенаправили креативность и энергию с поиска источника ренты на другие активности, которые увеличивали бы богатство нации и социальное благополучие» [6, р. 72]. Автор смог привести убедительные аргументы в пользу того, что британское Просвещение способствовало инновационности.

Примером распространения идей «Века Разума» среди производителей Дж. Мокир называет Смитонское общество, которые включало в себя: «профессиональных инженеров, как сам Смитон и его продолжатель Уильям Джессоп; сильно заинтересованных в технологических вопросах бизнесменов, как Мэттью Болтон и Джозайя Веджвуд; действительно квалифицированных работников, как производители инструментов, землемеры и схожие технические эксперты» [6, р. 66]. Что же касается других новаторов, то в обществе, затронутом британским Просвещением, их изобретения «не только стремительно распространялись, но также знание о них было доступно другим изобретателям, которые могли дальше улучшать их или приспособливать к новым задачам» [6, р. 71–72]. Проблема концепции Просвещенной экономики кроется в том, что доказать прямые причинно-следственные связи между «Веком Разума» и технологическими инновациями Промышленной революции достаточно трудно. Дж. Мокир сам признает тот факт, что «нельзя доказать влияние культурных и социальных изменений Просвещения на *всех* изобретателей, но число таких людей постепенно росло» [6, р. 72]. Вместе с тем, концепции Р. Аллена и Дж. Мокира не являются на самом деле взаимоисключающими и в сочетании дают более полную картину технологических прорывов Великобритании XVIII – первой половины XIX в.

Несмотря на очевидные противоречия между приверженцами двух подходов к исследованию причин Промышленной революции, они не являются неразрешимыми. Корень данных противоречий лежит преимущественно в источниковой и методологической базе исследований. Приверженцы первого подхода стремятся работать со статистическими данными при помощи клиометрических методов. Второго – при помощи традиционных методов обработки нарративные источники. Объединяет данные подходы преподаватель Университета Халла Роджер Осборн в книге «Железо, пар и деньги: зарождение Промышленной революции» (2013). Он определяет её как комбинацию «возникновения экономики, берущей энергию из угля» [7, р. 11] и «поддерживающегося импульса к инновации, развитию и адаптации» [7, р. 12]. Переходя к причинам данного процесса, Р. Осборн подчеркивает, что «Промышленная революция произошла благодаря изобретателям и их изобретениям ... великие новаторы: Уатт, Ньюкомен, Харгривз, Аркрайт, Тревитик – снова на главной сцене как действующие лица в исторической драме» [7, р. 13]. При этом он обозначает уникальную комбинацию факторов, которая дала

им возможность сделать и внедрить свои изобретения. Первым выделяется тот фактор, что «в Великобритании XVIII в. барьеры перед изменениями были невероятно снижены» [7, р. 27]. А именно: «промышленность не представляла опасности для землевладельцев, которые правили страной, в действительности многие выигрывали от неё»; «представления, что Античность была наиболее важным источником знания, разрушались» под напором Научной революции [7, р. 28]. Вторым аспектом выделяется расширение разделения труда. Третий фактор созвучен гипотезе Р. Аллена – наличие «высоких цен на труд, дешевого капитала и угля» [7, р. 28]. Четвертый – смена нескольких поколений квалифицированных ремесленников, которые знали, что «коммерсант, подготовленный к инновациям, может преуспеть как никогда ранее» [7, р. 29]. По справедливому утверждению Р. Осборна, «ни в одном другом периоде времени и месте в истории все эти четыре фактора не сочетались на продолжительный период» [7, р. 29].

Таким образом, современные англоязычные исследования в подавляющем большинстве определяют Промышленную революцию как революцию технологическую. Они также дают нам аргументированные объяснения причин её возникновения именно в Великобритании XVIII в.: спрос на инновации был обеспечен сочетанием высоких цен на труд и низких на энергию, а их предложение – культурными и институциональными особенностями, где ключевая роль отводится научной революции и британскому Просвещению.

Библиографический список

1. Hartwell, R. M. The Industrial Revolution and the Economic Growth. London: Methuen & Co, 1971.
2. Crafts, N. F. R., Harley C. K. Output growth and the British industrial revolution: a restatement of the Crafts-Harley view // The Economic History Review, 1992. Vol. 45, № 4. P. 703–730.
3. Аллен, Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: Издательство Института Гайдара, 2014.
4. Wrigley, E. A. Energy and the English Industrial Revolution. Cambridge: Cambridge University press, 2010.
5. Cipolla, C. M. Introduction // The Fontana Economic History of Europe: The Industrial Revolution. – London: Fontana Books, 1973. P. 7–21.
6. Mokyr, J. The Enlightened Economy: Britain and the Industrial Revolution, 1700–1850. London: Penguin, 2009.
7. Osborne, R. Iron, Steam & Money: The Making of the Industrial Revolution. – London: Random House, 2013.